

СИНТИЯ СУОНСОН

**КНИЖНАЯ
ЛАВКА**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С89

Серия «Свет в океане»

Cynthia Swanson
LIFE AT THIS MOMENT

Перевод с английского *Н. Гаввы*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Einstein Thompson Agency и Andrew Nurnberg.

Суонсон, Синтия.

С89 Книжная лавка : [роман] / Синтия Суонсон ;
[пер. с англ. Н. Гаввы]. — Москва : Издательство
АСТ, 2018. — 384 с. — (Свет в океане).

ISBN 978-5-17-109116-3

Знаем ли мы, чего хотим на самом деле? Кого любим, кого ненавидим, о чем мечтаем? Как часто наши представления о счастье обманчивы?

В крупном американском городе начала 60-х молодая женщина живет таинственной двойной жизнью — в реальности и во сне.

В реальности она — Китти Миллер, незамужняя владелица небольшого книжного магазинчика, живущая исключительно для себя, никому не обязанная отдавать отчет в своих действиях.

Во сне — домохозяйка Кэтрин Андерссон, счастливая жена и мать, обожающая своего мужа и детей.

Но какая из этих жизней реальна? Китти ли грезит несбывшимися мечтами о семейном счастье? Или, напротив, Кэтрин снятся мечты о свободе?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-109116-3

© Cynthia Swanson, 2015
И Школа перевода В. Баканова, 2017
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2018

Поверь в свое счастье и радуйся каждому мгновению. Что бы ни происходило сейчас, что бы ни случилось в прошлом — это твоя жизнь.

Из писем Кэтрин Энн Портер

Глава 1

Это не моя спальня.

Где я? Вздрагиваю и натягиваю одеяло до подбородка, пытаюсь собраться с мыслями. Но никаких объяснений в голову не приходит.

Последнее, что помню: было воскресенье, и я перекрашивала стены спальни в ярко-желтый цвет. Фрида, предложившая помощь, придирчиво оценивала выбор краски.

— Слишком солнечно для спальни, — безапелляционным тоном заявила она. — А что будешь делать в пасмурную погоду? В такой комнате подольше не поспишь!

Я обмакнула кисть в краску, аккуратно сняла лишнее и взобралась на стремянку.

— Вот и славно.

Наклонившись, я провела кистью вдоль длинной узкой оконной рамы.

Теперь я лежу и тщетно пытаюсь вспомнить, что было дальше. Я не помню, как мы перекрашивали спальню, любовались законченной работой и прибирались. Я не помню, как благодарила Фриду за помощь и прощалась с ней. Я не помню, как ложилась спать в солнечной комнате, резко пахнувшей свежей краской. Но все это наверняка было, иначе как бы я оказалась в кровати? Впрочем, это явно не моя кровать — значит, я еще сплю.

Однако происходящее не очень-то похоже на мои обычные сны. По ночам мне чаще снятся фантастические миры, где не действуют привычные законы времени и пространства. Я, видите ли, слишком много читаю. Слышали о романе «Надвигается беда»? Он только-только появился на полках книжных магазинов, а ему уже прочат судьбу самой продаваемой книги 1962 года. Рэй Брэдбери замечательно пишет, я настоятельно рекомендую купить его книгу каждому покупателю, пришедшему в нашу с Фридой книжную лавку за «чем-нибудь захватывающим».

«Этот роман вам будет сниться», — убеждаю я покупателей. И надо же, позaproшлой ночью он действительно мне приснился. Я бежала следом за Вилли Хеллоуэем и Джимом Найтшедом, двумя юными героями Брэдбери. Они спешили на таинственный карнавал, начавшийся в Гринтауне поздней ночью, а я пыталась их образумить, но любопытные тринадцатилетние мальчишки просто не обращали на меня внимания. Я за ними не попевала, ноги почему-то не слушались. Уилл и Джим убежали вперед, превратились в темные точки, потом и вовсе растворились в темноте, а я стояла и плакала от бессилия.

Словом, вы поняли: я не из тех женщин, которым может присниться простой и скучный сон о пробуждении в чужом доме.

Эта спальня гораздо просторней моей и куда лучше обставлена. Стены выкрашены в серо-зеленый, а не в насыщенно-желтый цвет, мебель стильная и современная. Покрывало аккуратно свернуто в ногах, мягкие просты-

ни так и льнут к коже. Уютное, до мелочей продуманное гнездышко.

Я забираюсь под одеяло и закрываю глаза. Если зажмурюсь покрепче, то скоро окажусь где-нибудь в Тихом океане и буду хлестать виски с веселой толпой оборванцев на палубе собственного китобойного корабля. Или закружу высоко в небе над Лас-Вегасом, раскинув огромные руки-крылья, и ветер будет трепать мои волосы.

Но ничего подобного не происходит. Я слышу мужской голос:

— Катарина, родная, проснись.

С трудом разлепляю веки — под ними словно песком посыпано — и вижу перед собой невероятно синие глаза.

Опять зажимаюсь.

На мое плечо — совсем голое, если не считать тонкой бретельки ночной сорочки, — ложится мужская рука. Давненько ко мне так не прикасались. Но некоторые ощущения ни с чем не перепутаешь, как бы редко ты их ни испытывала.

Наверное, я должна не на шутку перепугаться. Это ведь естественно: прикосновение незнакомца к обнаженному телу должно вызывать страх, даже если все происходит во сне.

А мне, как ни странно, приятно. Воображаемый незнакомец осторожно, но уверенно сжимает мое плечо, поглаживая большим пальцем кожу. Я наслаждаюсь, не открывая глаз.

— Катарина, родная, просыпайся. Я не хотел тебя будить, но у Мисси горячий лобик.

Она хочет к тебе. Вставай, пожалуйста.

Я с закрытыми глазами обдумываю его слова. Размышляю о том, кто такая Мисси и с какой стати я должна беспокоиться о ее здоровье.

Во сне мысли путаются, и в голове почему-то всплывает песня, которую часто крутили по радио несколько лет назад. Я помню мелодию, но почти не помню слов — ее пела Розмари Клуни. В общем, что-то про любовь, от которой люди сходят с ума. Мне становится смешно: я-то, похоже, точно сошла с ума.

Открываю глаза и сажусь. Синеглазый незнакомец убирает теплую ладонь с моего плеча. Эх, жалко...

— Кто вы? — спрашиваю его. — И где я?

— Катарина, что с тобой? — озадаченно спрашивает он.

Для справки: меня зовут не Катарина, а Китти.

Ну, хорошо, полное имя — Катарина. Но мне оно никогда не нравилось, слишком официальное. И длинное — «Ка-та-ри-на», «Китти» выговорить куда проще. Не удовлетворившись привычной «Кэтрин», родители наградили меня необычным именем. Как же надоело повторять его всякий раз, когда меня переспрашивают!

— Все в порядке, — говорю я синеглазому. — Но я понятия не имею, кто вы и где я. Извините.

Он улыбается, и глаза озорно поблескивают. Собственно, кроме глаз, в нем нет ничего примечательного. Среднего роста, среднего телосложения, с наметившимся брюшком. Редеющие каш-

тановые волосы с легкой проседью. На

8 вид ему около сорока, всего на пару лет

больше, чем мне. От него пахнет мылом и древесной смолой, будто он только что побрился и принял душ. Запах кружит голову, сердце на секунду замирает. Господи, ну что за нелепый сон?

— Ты, наверное, еще не проснулась. Ты прекрасно знаешь, кто я. Твой муж. Ты дома, в нашей спальне.

Он обводит рукой комнату — словно в доказательство своих слов.

— У нашей дочки, которую зовут Мисси, если ты и это забыла, похоже, поднялась температура. И ей нужна мама.

Он протягивает руку. Я машинально ее беру.

— Брось, а? — уговаривает он меня. — Очнись, Катарина!

Я хмурюсь:

— Простите, так вы?..

Он вздыхает:

— Я твой муж, Катарина. Твой муж Ларс.

Ларс? Какое необычное имя. В жизни не встречала ни одного Ларса. Посмеиваюсь над своим неумным воображением. Надо же — не Гарри, не Эд и не Билл. Я выдумала себе мужа по имени Ларс!

— Хорошо. Приду через минутку.

Он стискивает мои пальцы, наклоняется и целует меня в щеку:

— Я пока пойду измерю Мисси температуру.

Он выходит из комнаты.

Я снова зажимаю глаза. Уж теперь-то сон точно должен перемениться.

Открываю глаза. Ну вот, я по-прежнему здесь. В зеленой спальне.

Выбора нет, поэтому я встаю и осматриваюсь. Над кроватью — мансардные окна, раздвижные стеклянные двери ведут во внутренний дворик прямо из комнаты. К спальне примыкает большая ванная. Будь оно все настоящим, я бы решила, что это вполне современные апартаменты: куда более современные — и, судя по всему, более просторные, — чем старая двухкомнатная квартирка, которую я снимаю в Платт-парке в Денвере.

Заглядываю в ванную. Там все выдержано в светло-зеленых тонах, поблескивают новые хромированные краны. На длинной тумбе установлены две раковины, столешница белая в золотистую крапинку, а сверху — шкафчики из светлого дерева. На полу нежная мозаика из мятно-зеленых, розовых и белых плиток. Даже если я все еще в Денвере, это точно не старый Платт-парк, где после войны не построили ни одного дома.

Смотрю в зеркало над туалетным столиком, ожидая увидеть там совершенно незнакомое лицо: кто знает, как выглядит эта Катарина? Но я осталась сама собой. Невысокая, пухленькая, с непослушными рыжеватыми волосами: один локон упрямо падает на лоб, а остальные кудряшки торчат в разные стороны, как бы над ними ни трудились парикмахеры. Приглаживаю волосы и замечаю на безымянном пальце золотое кольцо со сверкающим бриллиантом. Ну, разумеется, думаю я. Мой оптимистично настроенный мозг придумал мужа, который может позволить себе такой увесистый камешек.

Покопавшись в шкафу, достаю темно-синий стеганный халат моего размера. Выхо-

жу в коридор в поисках мужа со странным именем Ларс и простуженной дочки Мисси.

Прямо передо мной на стене — большая цветная фотография, кто-то старательно повесил ее так, чтобы было видно из спальни. Это горный пейзаж: солнце опускается за горизонт, вершины подсвечены розовым и желтым. Слева высятся огромные сосны. Я прожила в Колорадо всю жизнь, но пейзаж мне не знаком. Впрочем, снимок мог быть сделан и не в Скалистых горах.

Пока я размышляю над этой загадкой, кто-то с разбегу влетает в меня справа. Едва не упав, я оборачиваюсь к виновнику и строго его отчитываю:

— Никогда так больше не делай. Выпрямись и стой нормально. Ты уже слишком большой! А если бы я не удержалась и упала?!

Ого! Разве я так разговариваю? Да никогда в жизни, у меня даже думать такими словами не получается.

Снизу вверх на меня смотрит маленький мальчик. У него пронзительно-синие глаза Ларса; волосы коротко острижены, но прямо надо лбом лежит непокорный золотисто-рыжий чуб. Щеки тщательно отмыты и сияют нежным румянцем. Он весь — будто из рекламы молока или мороженого, невозможно милый. При виде этой ангельской мордашки у меня теплеет в груди.

Ребенок отпускает меня и извиняется:

— Мапочка, я соскучился. Я тебя со вчера не видел!

На секунду теряю дар речи, но потом напоминаю себе, что это сон, и улыбаюсь мальчику. Наклоняюсь и глажу его по плечу.

Что ж, почему бы и не пойти на поводу у своего воображения? Пока что здесь очень славно.

— Отведи-ка меня к папе и Мисси, — говорю я и беру ребенка за пухленькую ладошку.

Мы проходим через коридор и поднимаемся по лестнице. Там наверху — детская с ярко-розовыми стенами, маленькой деревянной кроваткой, выкрашенной в белый цвет, и небольшим шкафчиком, на полках которого теснятся книжки с картинками и плюшевые игрушки. На кровати сидит ангелоподобная девочка, как две капли воды похожая на брата. У нее несчастный вид, щеки лихорадочно алеют. Они с братом примерно одного роста. Я не умею определять на глаз, сколько ребенку лет, но, кажется, им примерно по пять или шесть. Двойняшки?

— Мама пришла! — сообщает маленький ангел, забираясь в кровать к сестре. — Мисси, мама пришла, все хорошо.

Мисси хнычет. Я сажусь рядом и трогаю ее лоб: он в самом деле горячий.

— Что у тебя болит? — ласково спрашиваю я.

Она тянется ко мне:

— Все болит, мамочка. Особенно голова.

— Папа уже измерил тебе температуру?

Поверить не могу! Как легко эти слова срываются с языка... Да и вообще — веду себя как мама со стажем.

— Да, папа моет тер-мо-нетр.

— Термометр, — поправляет брат-ангелочек. —

Градусник называется тер-мо-МЕТР, а не

12 тер-мо-НЕТР.

— Без сопливых солнце светит! — Мисси закатывает глазки.

На пороге появляется Ларс и докладывает:

— Тридцать семь и семь.

Я не совсем понимаю, что это значит. Ну, то есть ясно, что у девочки температура тридцать семь и семь. А какие лекарства ей нужно давать? Оставить ее на целый день в постели или все равно вести на занятия? Понятия не имею.

Потому что у меня нет детей. Я не мать.

Не то чтобы я никогда не хотела детей. Нет, тут все как раз наоборот. В детстве я любила нянчиться с игрушечными пупсами, кормила их из бутылочки, катала в маленькой коляске и меняла им пеленки. Я была единственным ребенком в семье и постоянно упрашивала родителей завести для меня братика или сестричку. Мне не хотелось быть старшей сестрой, мне хотелось быть маленькой мамой.

Долгое время я пребывала в полной уверенности, что выйду замуж за Кевина, с которым встречалась в колледже. Вместе с другими парнями он в 1943 году ушел на Тихоокеанский фронт. Я его ждала — в те годы девушки, знаете ли, ждали своих парней и хранили им верность. Мы постоянно переписывались, я отправляла посылки с печеньем, носками, мылом для бритья. Вместе с другими студентками мы булавками отмечали перемещения наших солдат на карте Тихого океана. Утирали слезы платочками, когда приходили вести о тех, кто уже не вернется. И молча благодарили небо за то, что наши ребята остались целы.

К моему огромному облегчению, Кевин вернулся с войны невредимым. Казалось, что все будет по-прежнему: он мечтал стать врачом, снова пошел в медицинский. Мы продолжали встречаться, но предложения он не делал. Нас приглашали на чужие свадьбы, и все спрашивали, когда же мы позовем гостей на свой праздник. «Когда-нибудь обязательно позовем», — отвечала я преувеличенно бодро и беззаботно. Кевин просто менял тему разговора.

Проходил год за годом, Кевин окончил университет и приступил к интернатуре, а я работала учителем пятых классов. Никаких перемен в наших отношениях не происходило. В конце концов мне пришлось поставить ультиматум. Я сказала Кевину, что если он не хочет прожить со мной всю оставшуюся жизнь, то нам лучше расстаться.

Он тяжело вздохнул:

— Наверное, так будет лучше.

Кевин коротко и равнодушно поцеловал меня на прощание. Не прошло и года, как он женился на медсестре, которая работала в той же больнице.

Судя по всему, в мире моих снов ничего такого не было. Потерянные годы, черствость Кевина — все это осталось в другой жизни. А в этой я вытянула счастливый билет. Так и слышу радостные крики своих студенческих подруг: «Молодчина, Китти, молодчина!»

Последняя мысль кажется до того абсурдной, что у меня вырывается смешок. Я тут же в ужасе прикрываю рот ладонью. Это, конечно, сон, но у ребенка температура. Я должна

вести себя соответственно, должна беспокоиться, как настоящая мать.

Переглядываюсь с Ларсом. Он смотрит на меня с нежностью и... желанием? Ничего себе. Разве женатые люди так друг на друга смотрят? Даже когда у них болеет ребенок?

— Что будем делать? — спрашивает Ларс. — Ты всегда знаешь, как поступать в таких случаях, Катарина.

Всегда знаю? Какой интересный сон. Смотрю в окно на зимнее утро. Стекло затянуто инеем, падает снег.

Тут до меня доходит, что я действительно все знаю, хотя сама не могу этого объяснить. Я встаю и иду через коридор в ванную. Точно помню, на какой полке стоит маленькая пластиковая бутылочка с детским аспирином. Вытаскиваю из упаковки одноразовый стакан и наливаю немного теплой воды. Нахожу в бельевом шкафчике маленькое полотенце, смачиваю его холодной водой и отжимаю.

Прихватив полотенце, бутылочку с лекарством и стакан, решительно направляюсь в комнату Мисси. Бережно накладываю ей на лоб холодное полотенце и даю две таблетки аспирина. Она послушно глотает, запивая водой. Потом улыбается мне и ложится на подушку.

— Теперь тебе надо отдохнуть.

Я укрываю Мисси одеялом и приношу ей несколько книжек с картинками — из тех, что стоят на полке. Она принимается за книгу «Мадлен и собака». Это замечательная история из детской серии Людвиг Бемельманса про